

Дементьев Юрий Викторович

БОИ ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Я родился 22 октября 1925 года в г. Красноуфимске Свердловской области.

В 1935 г. в связи с переводом отца по работе семья переехала в г. Свердловск, где я продолжил учебу в школе.

В 1941 г. после окончания 8 класса мы, группа учащихся, совершили туристический поход по азимуту с мыса Гамаюнь на Верхисетском пруду до станции Северка. Поход был недельным, и мы возвращались домой 21 июня 1941 г.

Что нас удивило в то раннее утро – это то, что один за одним проходили мимо станции эшелоны с красноармейцами и военной техникой, даже электричка прибыла на станцию с опозданием.

Возвратившись домой в Свердловск часов в 8 утра, я усталым лег спать. Родители предложили мне пойти в зоопарк, они повели туда двух моих сестренок, но я из-за усталости отказался.

В 12 часов дня сигналы радио из репродуктора меня разбудили, и я с тревогой стал слушать сообщение В.М. Молотова о нападении Германии на Советский Союз без объявления войны. Дрожь прокатилась по телу. Все кругом сразу посуровело, красивый солнечный день потемнел в моих глазах.

Это событие сразу отразилось тревогой на лицах уральцев. В те дни появились очереди в магазинах за хлебом, за продовольствием. На Урал спешили эшелоны с эвакуированными заводами и фабриками с запада

страны. Уплотняли семьи, куда размещали эвакуированных. Многие школы, здания техникумов занимались госпиталями, или на их территории размещались эвакуированные заводы.

Для общей картины 1941 года следует сказать, что и природа вела себя необычно. Ранняя осень, снег на Урале в Свердловской области выпал 20 сентября, а обычно он появлялся в конце октября. Нас, старшеклассников, послали в колхозы, по деревням, в частности я был в Красноуфимском районе Свердловской области. Задание было, косить из-под снега овес. Конечно, результата от нас не было – он был неудачным, хотя мы и старались.

До этого никто из нас, городских учащихся, не держал в руках косу, а косить овес, да еще из-под снега, полегший, нам было не под силу, а подсказать, как это делать, никого не было, т.к. деревенских мужчин уже не было, их призвали на войну и деревни Урала очень опустели.

В общем, мы что-то старались сделать, но результат был плачевный, т.к. ноги промокали, и мы просто простывали, учитывая нашу скудную одежку. Каждый из тех, кто сейчас жив, знает, что и Москва вся была закутана в снежное одеяло, и парад на Красной площади проходил, когда шел снег, и наступали сильные морозы до -25 , что было не по плечу немцам, да, но и нам от морозов тоже доставалось.

Еще для полной картины тех лет мне хочется сказать, что 1942 год был очень голодным годом, горожане страдали от недоедания и собирали у себя все, что можно обменять в деревне на картошку. Так, на пригородных поездах ехали в районы области и меняли все, что осталось от былой роскоши, на ведро картошки, которая спасала нас от голодной смерти. Поездки были очень утомительны, т.к. приходилось бродить в деревне от дома к дому, предлагать свой товар, радоваться, когда этот товар у тебя принимался. Очень хорошо обменивались спички, мыло и соль. Но вставал вопрос, где все это взять. Вот так доставалось голодным, измученным людям ведро картошки, чтобы пережить эту страшную пору зимы 1942 г.

Так, сознание понимало, что надо помогать Родине, и обстоятельства требовали, что нужно оставить школу и идти работать на завод. И это я сделал – 1 декабря я был принят на завод 474 учеником токаря. Постепенно стало очень голодно, чувствовалась нехватка хлеба и продовольствия. На заводе были выданы карточки в столовую, но обеды были не – калорийные, и через час хотелось снова есть. Карточки на продовольствие были введены по всей стране.

Трудились много, не думая о себе, все время отдавалось работе и сну – тревожному. Вставали очень рано и бежали на работу к станку, стараясь выполнить порученную тебе норму. Особенно трудным был 1942 год.

В конце года по постановлению правительства стал формироваться Уральский добровольческий танковый корпус, куда я и подал заявление с просьбой зачислить меня добровольцем. В 1943 г. в марте месяце сформировались Свердловская, Молотовская и Челябинская танковые бригады. Танки, оружие и обмундирование, в общем все, что необходимо для воинской части, было создано уральцами в неурочное время, и бойцами этих бригад были рабочие и крестьяне Урала. Кагановический Райвоенкомат г. Свердловска счел нужным меня, как комсомольца, учащегося 9 класса, послать на курсы в г. Ульяновск, куда я прибыл в конце мая или начале июня 1943 г.

Курсы, которые назывались Специальные курсы усовершенствования офицерского состава шифровально-штабной службы Красной армии (СКУОСШШСКА), я окончил через 7 месяцев, получив звание – младший лейтенант.

Когда я учился в Ульяновском училище, нас, курсантов, осенью 1943 г. послали в Ульяновскую область помочь убрать урожай. Мы копали картофель, срубали на грядках кочаны капусты, а часть курсантов убирали хлеба. Меня посадили на сенокосилку, в которую впряжены две лошади, и послали косить пшеницу. Мне показали, как нужно обращаться с этим агрегатом, и я пошел косить на поле. Дело шло хорошо, и было приятно, что поле становится все меньше. Но вот лошади устали и приостановились, я дал им отдохнуть, а затем, стегнув правую и левую лошадь, решил снова начать косить пшеницу. Я стегнул кнутом правую, а затем левую лошадь, но получилось так, что правая лошадь не пошла, а левая двинулась с места, и зубцы сенокосилки врезались в ноги правой лошади, по сути дела перерезав ей задние ноги.

Лошадь упала, я испугался, растерялся и побежал в сельсовет, одновременно полагая, что меня теперь сошлют в штрафной батальон или роту. На душе было очень горько. В сельсовете как-то к этому моему горю отнеслись спокойно и, прихватив лошадь с телегой, пошли за мной. Раненую лошадь отстегнули и завалили на телегу, крепко привязав ее. Мне велели сесть и одному ехать с лошадью в Ульяновск в ветеринарную лечебницу, чтобы зафиксировать сей факт. Я всю дорогу чувствовал всю свою вину и вину хозяев, что они мне не сказали, что так может случиться. Я бы подобного не допустил. Уже к вечеру, измученный подобным истязанием, я вернулся в колхоз. Колхозники были почему-то очень довольны моему возвращению.

Я был удивлен их поведением, и только позже осенило меня: они заколют лошадей, и каждому достанется какое-то количество мяса в семью в то голодное время, поэтому руководству курсов об этом случае доложено не было, но для меня этот урок остался на всю жизнь.

Я и по сей день вижу перед собой эти глаза со слезинкой и слышу этот стон в дороге. Этого, конечно же, не должно было быть, может быть, мне умышленно не подсказали, что пока правая лошадь не пойдет – левую не трогай.

Эх, молодость-молодость!

8 января 1944 г. я был направлен в Генштаб КА, откуда меня распределили на 1-й Украинский фронт и направили в штаб фронта на Украину в м. Андрушевка.

В первых числах февраля 1944г. я с группой офицеров был в Киеве. Моросил мелкий, холодный дождь, шинель моя промокла, было не по себе – замерз. Вокзал был разбит, и я решил заскочить в вагон, в эшелон с ранеными, стоявший на путях станции, вместе с товарищем по курсам Вайсманом.

Состав состоял из закрытых товарных вагонов, в которых были размещены раненые, в середине эшелона находился зеленый пассажирский вагон с медицинским персоналом. Его, видимо, было недостаточно, чтобы обслуживать такой большой эшелон раненых, в каждом вагоне были двойные нары и размещалось несколько десятков раненых фронтовиков.

Первая попытка – и мы в вагоне, но там было так душно, и такой стоял запах от гниющих ран, что мы выскочили из вагона, но, подумав, что это неправильно с нашей стороны, вновь залезли, туда к пышущей жаром буржуйке. Раненые на нас внимательно смотрели, все лежали в два яруса.

Придя в себя, я стал общаться с бойцами и спел для них несколько песен, что нас очень сблизило, и посыпалась масса советов, как вести себя на фронте, а затем многие с нескрываемой радостью показывали свои давно не перебинтованные раны и говорили, что в них завелись черви, а это значит, что гангрены не будет и их руки и ноги будут целы.

Я не скажу, что это было страшно слушать и видеть, просто вызвало большое удивление у нас, ведь такого никогда не приходилось слышать или читать в книгах. Расстались мы очень тепло, наши шинели высохли, и мы ушли. Вначале на машине, а затем пешком мимо минных полей мы добрались до штаба фронта, где оказались в приемной 8-го управления фронта, расположившись на полу вдоль стен, и сразу же глаза сомкнулись. Когда меня вызвали, я вскочил с пола и сразу же упал, вновь вскочил и снова упал, так сильно я отлежал ноги.

Наконец, все уладилось, меня представили майору, который с интересом меня рассматривал, видимо, удивляясь моему юному возрасту и тому, что одет я был в старое обмундирование с заплатами, которое было выдано в училище. Старшина наш считал, что на фронте выдадут новое.

Еще следует сказать, что на пути в штаб армии мы ночевали в хате, где утром женщина-украинка благословила меня и подарила вышитый рушничок, это меня очень как-то по особому тронуло и, пройдя весь фронт, я его хранил как талисман.

Майором оказался начальник 8-го отдела штаба 4-й танковой армии Заворотный. Меня на машине доставили в Киев в район Святошино, где располагался штаб 4-й ТА. После голодной жизни в училище в столовой штаба армии я съедал по два первых и по два вторых блюда. Офицеры отдела надо мной смеялись, но относились ко мне по-товарищески и весьма были внимательны.

Итак, я на фронте, в боевой части, шифровальщик штаба армии. Это требовало большого внимания, терпения, усидчивости, умения не обращать внимания ни на какие выстрелы, быть очень сосредоточенным, чтобы не допустить какой-либо ошибки при расшифровке или зашифровке важных оперативных документов, полученных из штаба фронта и рассылаемых в корпуса и бригады армии.

21 марта началась Каменец-Подольская операция. В состав 4-й ТА входила 6-я гвардейская МК и 10-я гвардейская УДТК. Оказалось так, что я снова встретился с уральцами и стал воевать с теми соединениями, в которые я подавал заявление о зачислении меня добровольцем. Это произвело на меня радостное впечатление, что я вернулся к своим уральцам. Корпуса и соединения рвались вперед, чтобы окружить противника и освободить город Каменец-Подольский.

Первые ожесточенные бои в весеннюю распутицу марта-апреля 1944 на Украине были серьезным испытанием для совсем еще молодого офицера. Приходилось иногда до слез толкать нашу машину, завязшую в этой грязи; кирзовые сапоги по колено застревали и, вытаскивая одну ногу, потом с трудом вытаскиваешь другую, и так это чередовалось, бывало, почти весь необходимый путь: артиллеристы маются со своими застрявшими орудиями, танкисты на обочинах дорог старались как-то преодолеть препятствия.

Вообще было ужасно тяжело идти вперед на Каменец-Подольский. Тылы отстали, и части растянулись по всем дорогам, было очень сыро и на душе тяжело. Над нами низко бежали серые мокрые тучи, что не позволяло авиации бомбить противника и обстреливать завязшие на дорогах боевые части. На перекрестках артиллеристы устанавливали

орудия, чтобы быть готовыми отразить атаки окруженного нами, тоже завязшего в пути противника.

Были пройдены: Долечье (2.03.44), Хорошев (5.03), Тиофиполь (16.03), Токи (19.03), Клебанувка (23.03), Новосюлка-Скалатска (24.03), Копычинцы (25.03), Скала (27.03), и, наконец, Оринино (28.03). Оринино мне особенно запомнился, т. к. здесь разместился штаб армии.

Части 6-й гв. МК и 10-й гв. УДТК вели бои южнее Оринина и 25 марта освободили г. Каменец-Подольский. Отступающий противник вышел частью сил на Оринино. Я вспоминаю, было раннее-раннее утро. На улице только-только начал брезжить рассвет, кругом снег, за ночь его выпало очень много. Я в ту ночь дежурил по отделу, и вот вдалеке за окнами раздались автоматные очереди, которые стали приближаться. Я разбудил спавших, и все со вниманием прислушались к уже бесконечным очередям автоматов и пулеметов.

Оказалось, что на штаб армии вышли войска отступающего из Каменец-Подольского противника из группы армий «Юг», которые пробивались на запад. Это были большие силы противника. Обороной Оринино командовал сам командующий армией Д.Д.Лелюшенко. Все штабисты были подняты на ноги. Д.Д.Лелюшенко лично участвовал в отражении атак превосходящих сил противника.

Нам пришлось покинуть наши хаты и отойти в лес на пригорок, что находился за Оринино. Я был оставлен охранять часть имущества отдела. Стало не по себе, когда в 250 метрах я увидел отдельные группы гитлеровцев, которые, с трудом преодолевая снежные сугробы, двигались в мою сторону черными силуэтами на чистейшем снегу. Признаюсь, что стало страшно, но через некоторое время появилась наша машина трехтонка, меня быстро схватили, и мы отошли туда, где находились некоторые наши части, в этот лесок, откуда бил наш 122 мм миномет. В общем, приходилось трудно всем, но противник не имел разведки, и поэтому, не зная наших сил, обошел Оринино и вышел на наши тылы армии, где досталось нашим госпиталям и службам тыла армии.

Бои в Оринино длились 5 дней, противник, оставляя на дорогах значительное количество техники и трупов, учитывая, что не удалось нашим армиям замкнуть кольцо окружения, прорвался частью сил на запад. 4 апреля штаб армии миновал Копычинцы, 7 апреля – Лясковцы, 10 апреля – Буданув, и 20 апреля окончательно разместился в местечке Яблонув, где и находился до июля 1944 г.

Закончилась Каменец-Подольская операция. Армия встала в оборону на пополнение боевой техникой и личным составом. Дел было очень много.

Весна на Украине для меня была после уральских весен очень необычной, удивительно цветущей и довольно спокойной.

В войсках фронта шла подготовка к Львовской операции. 3.07.44 штаб армии передислоцировался в Черниховцы, а 12 июля – в Плешковцы. Началась Львовская операция. 19 июля в районе села Нуше штаб армии вошел в прорыв, в коридор, который был шириной в 4-6 км и длиной в 12 км. Здесь мы подверглись страшному обстрелу с обеих сторон, что приводило к серьезным жертвам. Так, у нас погиб шифровальщик лейтенант Юрий Александрович Курлыков, горьковчанин. Славный был молодой человек, всего на два года меня старше.

Только в январе 1963 г., будучи в командировке в г. Горьком, я через адресный стол нашел его родителей. Он был единственный сын. Вот тогда я и рассказал стареньким родителям о его гибели, как это произошло. До своей смерти они все называли меня сыном Юрием, я каждый год затем бывал у них, и они бывали у нас в гостях в Москве, но свозить их на Украину в м. Нуше мне не удалось, место захоронения найти мне было невозможно, т.к. он был захоронен на месте своей гибели, накрыт шинелью и засыпан землей, в то страшное время прорыва, под сильнейшим обстрелом мы никаких почестей отдать не смогли.

Мне очень запомнились эти бои. Шли сильные дожди, и все дни бесконечно мы подвергались обстрелам, снаряды падали вокруг и рядом, но каким-то образом я уцелел.

21 июля мы расположились в Новосюлках, 22 июля – в Золочеве, а 23 – в м. Княжев, где 25 июля на штаб армии вышла Бродская группировка противника, отступавшая на юг, в леса от ударов войск 1-го Белорусского фронта. Удары противника начались рано утром, обрушился на нас минометный и артиллерийский огонь, два самолета «Фокке-Вульф-190» бомбили нас и уничтожили своим огнем наши ПО-2, затем все сильнее и сильнее прижимали нас ко живущим на юг части противника. Было очень туго.

Нас выручили танки 93-й гвардейской танковой бригады нашей армии, тем самым штаб армии был спасен. Обороной штаба армии командовал начальник штаба генерал-майор танковых войск Упман К.И.. У меня еще долго после этих сражений стоял гул в ушах, и часто снились эпизоды этого сражения.

26 июля мы были в Романове, а 28 июля – в освобожденном нашей армией г. Львове, и затем – в Зимна-Вудка.

Мне часто приходилось докладывать шифровки командующему армией Д.Д. Лелюшенко, начальнику штаба армии К.И. Упману и начальникам отделов штаба армии. Днем это было в порядке вещей, а бывало, поступа-

ли срочные шифровки, и докладывать их приходилось поздно вечером, когда на улице стояла непроглядная темень и фонариком пользоваться было нельзя. Вот в это время идти было очень трудно, нужно было иногда пробираться и через грязь, все зависело от расположения отделов штаба армии. Обычно брал пистолет, загонял патрон в патронник и шел, любой шорох вызывал холодный пот, приходилось быть очень внимательным, чтобы, не дай Бог, не наткнуться на какого-нибудь лазутчика

Дмитрий Данилович был человеком экспансивным, на месте не сидел, мог ругаться, однажды при мне он так отчитывал начальника политотдела полковника Кладоваго, что мне было не по себе. Вообще, Лелюшенко не пил и не курил, но ругаться мог отменно. Прямая противоположность ему был начальник штаба армии Карл Иванович Упман. Ему докладывать шифровки было приятно. Он был очень спокойным человеком и относился ко мне весьма внимательно. Его спокойствие, вероятно, доминировало в отношениях начальника штаба и командарма. Это помогло им вместе пройти до конца войны.

1 августа штаб армии разместился в Ракове под Самбором. Затем Витошницы – это была уже Польша. 8 августа – лес 4 км. Восточнее Бирча (Карпаты). 9 августа – Дыдная и 14 августа – Дурды, здесь мы форсировали р. Висла (Сандомирский плацдарм). 18 августа лес 4 км севернее Вязовица и м. Сулишув, где штаб армии находился до конца года. На Сандомирском направлении 4-я ТА помогала стрелковым 5-й гвардейской и 13-й армиям удерживать все это время плацдарм и готовиться к новой операции. Для меня же это время было суровым испытанием-болезнь малярия. Приступы впервые появились в местечке Яблонув, но там они были еще редкими, а здесь меня трясло через день и температура поднималась свыше 40 С°, в начале декабря меня увезли в армейский госпиталь №5252 на ту сторону р. Висла в г. Падев, где меня основательно подлечили, а затем смена мест мне помогла совсем избавиться от этого жестокого недуга.

12 января 1945 г. началась Висло-Одерская операция. Штаб армии 11 января передислоцировался в Рудки, это запад Сандомирского плацдарма, а затем уже мы пошли за наступающими частями армии: 15.01.-Забоже, 16 – Лопушно, 19 – Скурковице, 20 – Закшиве, 22 – Щерцув, 23 – Злочев, Пиотрокув, 24 – Лутутуа и, наконец, 25 – Трахенберг. Он находился уже на территории Германии, мы пересекли немецкую границу. Как мы ликовали: 26 января – Радунген, 28 – Лойбель, 31 – Лазе, река Одер. Началась Одерская операция.

Надо сказать, что польские земли особого впечатления не оставили, города мы проходили, не задерживаясь, а крестьянские селения были весьма бедными. Да и некогда было на что-либо обращать внимание, наши

танковые корпуса рвались вперед, громя немецкие соединения, много немцев оставалось в тылу, они не успевали отступать и сдавались иногда не оказывая особого сопротивления.

Перешли немецкую границу – впечатление другое. В первую очередь, например, город Трахенберг был в огнях. Везде горело электричество, в квартирах все было в полном порядке, заправлены постели, хорошо прибрано, радиоприемники работали, и было тихо. Немцы, боясь возмездия, бежали на запад. В непривычных для нас так называемых деревнях кирпичные дома. А в печах стоят горшки с супом, жаркое. В доме ни души. Мы вначале раздумывали, стоит ли это есть, думали, что эта пища отравлена, но потом находился кто-нибудь, кто пробовал, мы видели, что он цел, и все принимались за вкусную еду. Да, это было так, я сам ел с большим удовольствием, отравленной пищи нигде не встречалось.

В погребах оставался так называемый неприкосновенный запас: сахар, различные компоты, жареные или вареные куры, гуси и свинина, все в стеклянных банках. Так, вероятно, после войны этому научились и наши женщины, готовя домашние соленья. И во всех далее проходимых населенных пунктах не было ни одной души, видимо, боялись расплаты, но затем, например в Браунау, уже встречались семьи и, естественно, никто их не трогал.

Итак, с боями, но уже вдохновленные нашими победами, форсировав Одер, наши войска двинулись в логово фашистской Германии к Берлину. 7.02 – Дейкслау, 10 – Браунау, 11 – Кандерейс, 12 – Шенбрун, 13-19 – Бенау, 21-Гадлиц. На пути марша были пройдены города Лигниц, в котором почти из каждого окна свисали нанизанные на палку белые простыни, Примкенау, Шпроттау, Заган, Зоммерфельд, Зорау, Форст. 10 марта – Пагарель. После этих боев началась Опельская операция.

Следует отметить, что очень серьезные бои штаб армии принял в Бенау. Здесь нашим офицерам штаба армии вновь пришлось взять в руки автоматы и вступить непосредственно в сражение с превосходящими силами противника. Командованием армии были вызваны на помощь подразделения армии. Враг нес значительные потери, но и у нас были серьезные потери. Погибли командир 68-й зенитно-артиллерийской дивизии подполковник А.Ф. Козлов и командир 22-й самоходно-артиллерийской бригады подполковник В.И.Приходько. Бои длились два дня, и 14 февраля враг был разбит.

17 марта – Коппендорф, 20 – Билиц, 25 – Гросс-Грауден – конец операции. 3 апреля – Рассельвиц, 10 – Мильденау и 15 – Цибелло. Начало Берлинской операции. Все наступление шло почти без передышки. 17 апреля Тшернитц,

проехали по автостраде Котбус, 17 – 18 – форсировали реку Шпрее. 19 – Калау, 20 – Плешкендорф, 21 – Шарлотенфельде, 23 – Шенхаген, 25 – Шенкендорф в 10 км от Берлина, 25 – наш 6-й гвардейский МК соединился с войсками 1-го Белорусского фронта, завершилось окружение берлинской группировки противника.

26 апреля 1945 года – Потсдам и 3 мая Берлин, Рейхстаг. Конец операции.

Следует сказать, что в Шенкендорфе наш 8-й отдел штаба армии расположился в уютном местечке с краю этого населенного пункта, за ним шли цветущие яблоневые сады. Как-то, чтобы немножко развеяться, я вышел покурить в этот сад, любуясь цветом яблонь, и вдруг увидел двух немецких офицеров, идущих мне почти навстречу. Это были два молодых лейтенанта. Я вынужден был их остановить и спросить, куда они идут, они ответили: nach hause, т.е. домой. Я вынужден был их пленить и привел в разведотдел армии, где уже толпилось несколько десятков пленных. Я передал их часовому и спокойно ушел к себе, удивляясь, что и мне пришлось так просто привести двух пленных, притом офицеров.

К утру 2 мая на штаб армии вышли части немецких подразделений в количестве до 10 тыс. человек. В общем, мощное подразделение, ставившее себе задачу вырваться из Берлина на юг. Помню раннее утро, все офицеры отдела повыскакивали по тревоге со своих мест. Я вспоминаю, что соскочил с кровати, и мгновенно, без портянок, влетел ногами в свои кирзовые сапоги. Мы с автоматами залегли в канаву около нашего дома. Бой принял угрожающую обстановку. Нами командовал начальник штаба армии генерал-лейтенант К.И. Упман. Были срочно вызваны подразделения армии. Через 15 минут прибыл 7-й гвардейский мотоциклетный полк с десятью танками и артиллерией, через 25 минут подошли саперы и артиллеристы и ударили по врагу, в результате чего противник остановился. К нему был послан парламентаром майор разведотдела Мирон Ткачук. В результате переговоров было пленено 6 тысяч гитлеровцев, сдавались они поротно, шли строем, как на параде, за этим я с интересом наблюдал. Так прорваться на юг из Берлина им не удалось. 2 мая Берлин пал.

4 мая войска армии сосредоточились в лесах южнее Берлина и в 8.30 утра 6 мая после короткой артподготовки передовые отряды армии пошли в наступление на Прагу. Враг не ожидал такого наступления наших войск. 6 и 7 мая войска каждый день проходили 50-60 км. 7 мая во второй половине дня на штаб армии вышли немецкие войска с северо-востока, и нам пришлось отойти в лес в районе г. Фрейберг. Нас выручил 7 гв. танковый корпус 3 гв. танковой армии. А затем уже пошло наше продвижение более быстро. 7 мая

войска 4 гв. ТА преодолели Рудные горы в Чехословакии. Штаб армии 5 мая находился в районе Шлибенберга, 7 мая – Штраба, Фрейнберг, р. Эльба, 8 мая – Фрауенштайн, 9 мая Янов Мост, это Чехословакия, 10 мая -Княживка (Княжевес), 11 мая – Прага и 12 мая – Кладно, местечко Разделув. Конец операции. Конец войне!

Невероятные впечатления мы получали, проезжая по дорогам Чехословакии. Население встречало нас цветами, криками «Наздар», все были одеты в праздничные наряды, все улыбались и нежно обнимали нас, приглашая к себе в дом, угощали своим виноградным вином. Это были незабываемые встречи, сердца стучали взволнованно, душа ликовала, ведь это был конец войне.

Я хочу сказать, что войска 4 гв. ТА и первым из них 63 гв. танковая бригада в 2.30 ночи ворвалась в Прагу, а в 4 утра 9 мая наш 10 гв. УДТК вошел в Прагу. Таким образом, столица Чехословакии была освобождена. Я помню, как по радио чехословацкий диктор обращался к нам, чтобы наши войска помогли восставшим пражанам в освобождении Праги. По-моему, 7 или 8 мая мы столкнулись с войсками противника группы армий «Центр» генерала Шернера. Это была огромная группировка, она стремилась выйти к союзникам, в рядах ее насчитывалось до миллиона солдат и офицеров. Но, благодаря стремительному наступлению наших войск, был полностью разгромлен штаб группы «Центр», на земле валялись повсюду бумаги отделов этого штаба, а затем я наблюдал, сидя на башне танка, как сдавались эти многочисленные подразделения.

Поротно, под музыку губных гармошек, шли хорошо обмундированные, довольно крепкие парни. Их проход в плен даже восхищал нас своей дисциплиной. Вероятно, если бы они прорвались к союзникам, нам пришлось еще много воевать, теперь же немецкая армия капитулировала, и наступил долгожданный мир.

Штаб нашей 4 гв. ТА раздислоцировался в м. Разделув под г. Кладно. Душа радовалась, и как-то захотелось сразу домой, в объятия родных и близких. Но, конечно, нужно было наводить порядок в своих делах по отделу, готовить документы к передаче в архив, что требовало много времени, сосредоточенности и внимания.

В июне месяце поступил приказ 4 гв. ТА передислоцироваться в Венгрию. 11 июня 1945 г. мы проехали столицу Австрии г. Вену, а 12 июня были уже в Венгрии, в г. Чепрег. 15 июня штаб армии раздислоцировался в г. Сомбатхей. Здесь мы находились по 18.09.45. до новой передислокации, уже в Австрию, в г. Айзенштадт, где мы находились с 19.09. по 25.11.45.

Австрия оставила приятное впечатление. Особенно Альпийские горы в прекрасных еловых лесах и населенные пункты, расположенные в долинах среди гор. Я отдыхал там в курортном городке Бад-Тацмансдорф. Принимал нарзановые ванны и пил нарзан. Душа начала успокаиваться, все вело к скорейшему возвращению домой, на любимый Урал.

27 ноября наша армия вновь была передислоцирована в Венгрию, штаб армии размещен был на берегу оз. Балатон в курортном месте Балатон-фюред. Отсюда в феврале 1946 я был демобилизован и в марте прибыл домой к родителям в г. Свердловск в звании гв. лейтенанта. На улице стоял мороз -25° . Меня демобилизовали по моему рапорту, где я представил документы, что учился в горном техникуме, и хотел продолжить учебу.

На Сандомирском плацдарме за Каменец-Подольскую операцию я был награжден медалью «За боевые заслуги», номер 1278496. Медаль вручал начальник 8 отдела подполковник Заворотный. В мае 1945 г. за участие в боях в Польше и Германии я награжден орденом «Красная Звезда» номер 1530793. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. я награжден орденом «Отечественная война II степени» в ознаменование 40-летия Победы А№890194, № ордена 3060794. Кроме того, награжден 16 медалями, из которых очень дорожу медалями «За взятие Берлина», «Освобождение Праги» и медалью «100 лет со дня рождения В.И.Ленина». Указом ВГК ВС РФ №2 от 27 апреля 2000 г. присвоено звание капитан.

В войне погиб в боях под Тихвином в 1943 г. мой дядя, брат отца Дементьев Петр Иванович. В 1942 г. в Красную армию был призван отец 1900 г. рождения, Дементьев Виктор Иванович. Он воевал на Кенигсбергском направлении. Что интересно: когда отца призвали и он уходил на фронт, то он дал клятву, что если вернется с фронта домой, то обязательно будет второй сын, что он и выполнил. 21 ноября 1946 г. у мамы родился сын, мой брат Евгений, разница у нас с ним почти 22 года.

В ноябре 1946 года я поступил в Свердловский горный институт. Там проучился 2 года, и меня пригласили в 1948 г. в Управление Госбезопасности по Свердловской области, где был избран освобожденным секретарем комсомольской организации управления. В 1949 г. поступил в Уральскую консерваторию на вечернее отделение, которую окончил в 1954 г., но до этого, в 1953 г., был по конкурсу принят в Большой театр СССР солистом оперы, где работал по 17 марта 1977 г. солистом оперы.

В апреле 1976 Президиумом Верховного Совета РСФСР мне было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР». 17 марта 1977 пере-

водом я был назначен первым директором строящегося в Красноярске театра оперы и балета. Я участвовал в его строительстве и создании труппы театра. 20 декабря 1978 г. состоялось открытие первого сезона Красноярского театра оперы и балета. За 1,5 года я сумел создать театр, который и сейчас служит своим искусством краю и выступает в других областях России и за ее рубежом.

Сердечно вспоминаю тех боевых друзей, с которыми я рядом, деля радости и невзгоды пройденных фронтовых дорог, прошел весь боевой путь армии, ощущая их искреннее внимание, их умение помогать в тех трудных боевых обстоятельствах, что позволило мне с честью выдержать это труднейшее испытание четырех лет жесточайшей войны. Я с любовью называю их имена. Это: Георгий Александрович Стеценко из Запорожья, после войны он работал в Москве в ЦК Партии; Николай Васильевич Маракулин из Кировской области; Александр Григорьевич Евсеенко из г. Чернигов; Николай Андреевич Гутаров, москвич; начальник 8 отдела армии Заворотный; Николай Трофимович Бобков из Белоруссии и др. К великому сожалению, из них уже никого не осталось в живых, и только память хранит их имена. Мы все вместе встречались в Москве на праздновании юбилейных дат армии и, конечно же, в день празднования Великой Победы 9 мая.

Обо мне есть публикация, – называется она «О нашем фронтовом товарище», напечатана в газете Большого театра «Советский артист» от 11.02.1975 г.

Еще хочется сказать, что женился я в мае 1947 года. Жена Дементьева Анастасия Маркеловна. Вот уже 56 лет мы несем нашу любовь. У нас дочь Эля, которая одарила нас двумя внуками, а они, в свою очередь, подарили нам трех правнуков, которые растут и радуют наши сердца. Жизнь идет!

Январь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Минаев Юрий Дмитриевич*, студент 3-го курса Московского авиационного института.